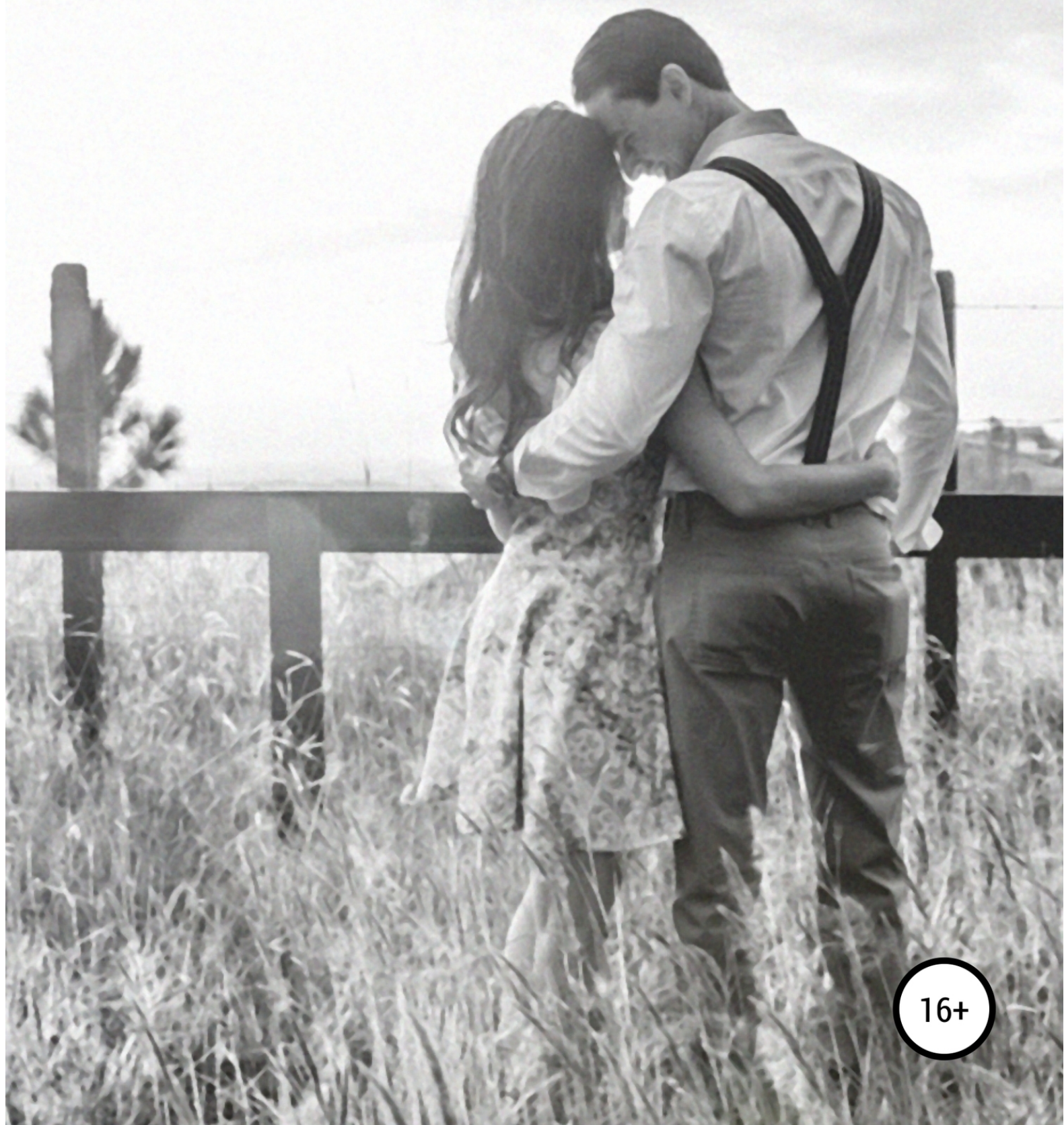

НАДЕЖДА ВОЛГИНА

ИВАН

- Д А -

МАРЬЯ

16+

Короткий любовный роман

Надежда Волгина

Иван-да-Марья

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волгина Н.

Иван-да-Марья / Н. Волгина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Короткий любовный роман)

Иван – хирург, Маша – ветеринар. У каждого из них была своя жизнь, пока они не встретились... А, встретившись, не полюбили друг друга. Смогут ли они преодолеть любовь к свободе и недоверие, чтобы стать Иваном-да-Марьей?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

Иван открыл дверь кабинета. Взгляд привычно уперся в чучело орла, раскинувшего полуметровые крылья. В утренней нерабочей тишине он казался живым – крючковатый клюв, перья, цепкие лапы с когтями... Разве что не летает, а только готовится взлететь одним мощным взмахом крыльев. И какую забаву люди находят в таком бестолковом и варварском отношении к природе? Должно быть, закрепляют свою власть над более слабыми, убивая их и воскрешая в образе чучела.

Иван поморщился – сегодня противнее обычного было смотреть на безмолвный упрек хищника поднебесья. И не выкинешь, не спрячешь, иначе щедрый спонсор больницы и постоянный пациент, вечно страдающий язвой желудка, бизнесмен Столяров, будет оскорблен в лучших чувствах, а начальник Ивана – главврач Федоров Федор Федорович, в доверии.

Флюры, помощницы Ивана, как тут называли медсестер, еще не было. Он пришел на час раньше начала рабочего дня, чтобы привести в порядок бумаги, чего не смог сделать накануне вечером из-за визита друга и посиделок за полночь.

Следовало впустить свежего воздуха и развеять ночную спертость. Иван поднял жалюзи и распахнул окно. С воздухом в кабинет ворвался уличный шум просыпающегося города. Только летом прохлада доставляет такое удовольствие, когда хочется часами вдыхать ее, несмотря на загазованность. Днем ее сменит летний зной и приглушенное гудение кондиционера – этого рассадника микробов.

В частной клинике Федорова Иван работал уже пять лет хирургом и был всем доволен, начиная от приличной зарплаты и заканчивая уважительным отношением руководства. Клиника являлась диагностическим центром, где собрались узкие специалисты всех направлений медицины. Особенно удобно это было для желающих быстро пройти медкомиссию, правда, стоило это тоже прилично – за визит к каждому специалисту приходилось платить, как за первичную консультацию, так что позволить себе подобную роскошь могли не многие. С другой стороны, по этой же причине народ не скапливался в коридоре, переругиваясь в бесконечной очереди. И врачи без пациентов не оставались, всегда находились желающие купить комфорт и вежливое обращение. До этого Иван три года проработал в муниципальной поликлинике, и ему было с чем сравнивать.

Две пуговицы на халате еле держались, с досадой подметил Иван. Можно, конечно, попросить Флюру–белочку закрепить их сегодня, но как-то неудобно напрягать человека. Что ей своих дел мало с двумя-то детьми и мужем – газосварщиком? Пора жениться, Иван Тимофеевич. Это сейчас ты еще молодой и красивый, каким находят тебя женщины, а через пять лет превратишься в стареющего донжуана и тогда сам станешь искать ту, что согласится пригреть тебя.

В последнее время мысли о создании ячейки общества посещали его все чаще. Видно, к тридцати двум годам он устал от свободы и одиночества, хоть и не испытывал недостатка в женском внимании. Правда и надолго они не задерживались, быстро приедались, когда он изучал их повадки, и они становились для него обыденными.

Это тоже было одним из пунктов в его личной статье расстройств – способность видеть в людях то, чего сами они порой не замечали. Когда-то Иван мечтал стать зоологом, «проглатывал» книги о животных, изучал их повадки. До такой степени увлекся, что невольно начал сравнивать людей с братьями меньшими и видеть поразительное сходство. С годами увлечение переросло в привычку, и теперь Иван с первого взгляда мог определить, на какое животное похож человек. Знание повадок помогало ему безошибочно выбирать линию поведения со знакомыми и пациентами, что последних невольно тянуло к нему.

Флюра ворвалась в кабинет, как небольшой вихрь. Миниатюрная, подвижная, она умудрялась вносить столько шума одним своим появлением, как будто ее вошло сразу несколько. Все спорилось в ее умелых руках, пока она не начинала ставить перед собой невыполнимые задачи, явно повышенной сложности. Правда внутреннее чутье ей позволяло вовремя опомниться и не надеть глупостей. И что больше всего восхищало Ивана в этой молодой женщине – ее способность не падать духом от провала затеи и моментальное переключение на новые задачи. Типичная белка, как он окрестил ее про себя, шустрая, точно знающая, чего ждет от жизни, эмоциональная без меры, умная и работающая.

– А что это вы сегодня в такую рань? Ой, здравствуйте, Иван Тимофеевич, – рассмеялась Флюра, доставая белоснежный халат из шкафа и кидая сумку на стул, немало не заботясь о ее содержимом. – Вечно я начинаю не с того.

– Привет. – Как ни странно, жизнерадостность Флюры никогда не раздражала Ивана, даже если его настроение было далеко от безоблачного, что случалось не так уж и редко. В такие моменты он абстрагировался от внешнего мира и размышлял под ее неугомонный щебет. – Решил поработать с бумагами.

– А-а-а, понятно. – Она уже надела халат и уселась за свой стол. – А мы сегодня с Равилем идем на концерт Кристины Орбакайте, видели афиши? Благо, мама согласилась посидеть с внуками в кои-то веки. А то обычно ее не допросишься. – Она открыла журнал и низко склонилась над ним, дала знать о себе близорукость и ярое нежелание носить очки. – Так, первый пациент у нас в половине десятого. Еще есть время попить чайку. Сделать вам тоже?

– Я бы хлебнул кофейку, – в тон ей ответил Иван. – Чай – это женский напиток.

– Скажете тоже! Тогда мой милый двухметровая и стокилограммовая женщина, – беспечно рассмеялась она и принялась хлопотать за ширмой, где находился небольшой обеденный стол с чайником, чашками и другими необходимыми для перекуса вещами.

Ровно через минуту она поставила перед Иваном небольшую чашку со вкусно пахнущим и дымящимся черным кофе.

– Как вы любите, без сливок.

Времени хватило ровно на то, чтобы допить кофе и выслушать свежие новости о семье Флюры. В тот момент, когда чашки вернулись за ширму, распахнулась дверь, впуская первого пациента.

Типичный представитель семейства собак, озабоченный, в первую очередь, благосостоянием своей стаи и территории, на которой обитает, четко знающий, какое место занимает в общественной иерархии и не стремящийся прыгнуть выше головы. Вся его жизнь подчинена строгому распорядку – работает, отдыхает, спаривается и выводит потомство, не покидая родной семьи. Соседей по лестничной площадке воспринимает, как живущих по соседству сородичей, и заводит с ними приятельские отношения. Любит и умеет отдыхать. А еще собаки неутомимые лакомки. Этим словом Иван заменял некрасивое «чревоугодники».

Сидящий перед ним мужчина относился к самой распространенной группе животных, которые встречались сплошь и рядом, которых объединяли ярко выраженные признаки. Иван ничего против них не имел, но и интереса особого не проявлял, как к набившей оскомину категории. Однако это не мешало ему внимательно относиться к проблемам таких пациентов и делать все зависящее от него, чтобы лечение пошло на пользу. Он старался говорить с ними на их же языке, чем еще сильнее располагал к себе. Среди собак встречались как мужчины, так и женщины, правда вторые немного реже.

Зато женщин попадалось больше во второй наиболее распространенной группе – кошек, средством общения у которых служил язык жестов, звуков и поз.

Вторая пациентка была именно такой. Молодая, ухоженная, она не нуждалась даже в хвосте, чтобы четко определить настроение, в котором пребывала. Но если бы он у нее был, то сейчас торчал бы вертикально, как признак излишней самоуверенности. Несмотря на рас-

пространенность, кошек Иван делил на подгруппы. Эта относилась к тем, что любое место считают своей территорией, редко испытывают настороженность или нервозность. Еще реже пребывают в состоянии возбуждения. Суженные зрачки миндалевидных, искусно подведенных глаз говорили о спокойствии и безразличии. Если бы у нее была шерсть, то топорщилась бы дыбом, как признак затаенной агрессии, готовности к обороне, если что пойдет не так. Кошки этой группы обычно начинают нападать первыми, сопровождая движение криками и активной жестикуляцией, бросками и выпадами в сторону неприятеля. Часто подобным образом им удаётся ввести врага в замешательство и благополучно разрешить ситуацию.

Если уж выбирать из кошек, то Иван предпочитал тех, кто чаще ведут себя настороженно и неуверенно, хвост которых подрагивает и уши поджаты. С такими ему было проще общаться. Хотя женщин – кошек он в принципе не любил.

– Подожди пока приглашать следующего, – попросил Иван Флюру. – Нужно немного перевести дух.

Помощница знала об особенностях своего начальника и считала это признаком оригинальности. Она даже заботилась о наполнении специальной круглой банки яркими конфетами для сорок, которые тоже встречались не редко. Флюра постепенно даже научилась распознавать таких людей. Прежде всего по классической одежде, строгому силуэту и искусному макияжу, если это была женщина. У таких людей одежда всегда была дорогая и красивая, словно Коко Шанель позаимствовала свои фасоны у сороки с окраской из сочетания черного с белым и с пестрым хвостом. Такие люди заражали энергией, они могли заниматься любой работой, даже самой неблагодарной, и оставаться при этом элегантными. Часто обтягивающие силуэты одежды делали их неловкими, но они воспринимали это, как необходимую жертву, которой требовалась красота. Даже их способность присваивать блестящие вещи свидетельствовала о чувстве прекрасного. Они это делали ненавязчиво и естественно – раз лежит и блести, значит нужно взять, чтобы рассмотреть подробно, и не важно, что вожделенный предмет уже кому-то принадлежит, не хочешь потерять такую красоту, не выставляй ее на всеобщее обозрение.

Иван ценил в сороках верность и не способность предать. Сороки в его представлении были специально созданы для супружества, выбирали пару единой и на всю жизнь. Эту птицу он считал идеалом постоянства и преклонялся перед такими людьми.

– Кто это был? – поинтересовалась Флюра, отмечая визит пациентки в журнале.

– Кошка.

– Тяжелый случай, да? – сочувственно спросила она.

– Есть немного, – кивнул Иван.

Он откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Сказывались ночные посиделки, начало клонить в сон.

– Еще кофейку? – предложила Флюра.

– Нет, – тряхнул он головой и хотел было распорядиться, чтобы пригласили следующего пациента, как зазвонил телефон.

– Наш бегемот из топких болот, – пропела Флюра.

Бегемотом она назвала главврача клиники – Федора Федоровича. А до этого его так окрестил Иван. Начальник не только внешне напоминал этого африканского гиганта, но и внутренне в точности соответствовал ему. При сильной тучности, он был довольно хрупкий и ранимый внутри, обижался, если кто-то поступал с ним подло, не оправдывал надежд. Причем, обижался он не на конкретного человека, а на судьбу в целом. Подобно некрасивому собрату, в точности, как тот одной и той же тропой ходит к месту добывания пищи на километровые расстояния, Федор Федорович брел по жизни, не спеша и размеренно, педантично «раскладывая все по полочкам».

– Слушаю, – произнес Иван в трубку. – Приветствую, Федфедырыч!.. Да, потихоньку... Далеко?.. А когда?.. Да, без проблем! Надо, так надо! – И отключился. – Все нормально, – Заве-

рил он Флюру, которая с любопытством прислушивалась к разговору. – Отправляет в командировку на пару дней. Зови, давай, следующего, – кивнул он на дверь и потер воспаленные глаза, которые сейчас казались еще зеленее обычного. К слову сказать, на глаза Ивана женщины были особо падкими, считали их изумрудный цвет необычным и очень подходящим к волосам цвета соломы.

Иван равнодушно смотрел на медленно открывающуюся дверь в ожидании следующего пациента. Сначала он глазам своим не поверил – в его кабинет входила корова. Но какая! В следующий момент Флюра едва сдержалась, чтобы не прыснуть от смеха, когда он зачарованно произнес:

– Никогда не встречал таких красивых буренок!

– Простите, это вы мне? Я не расслышала...

На пороге переминалась симпатичная коротко стриженная брюнетка, неуверенно теребя лямки объемной сумки, накинутой на плечо. Невысокого роста, миниатюрная, она чертами лица чем-то напомнила Ивану голливудскую актрису Вайнону Райдер, в особенности губами и чуть выступающим вперед подбородком.

– Вы проходите, пожалуйста, – вступила в разговор Флюра, видя явную неспособность Ивана говорить. Он продолжал пристально таращиться на женщину, неприлично оглядывая ее с головы до ног, пока не заставил густо покраснеть. – Иван Тимофеевич! – позвала она, на что тот никак не отреагировал. – Иван Тимофеевич! – произнесла она еще громче, и только тогда он вздрогнул, моргнул и повернулся в ее сторону. – Передайте мне, пожалуйста, карточку Терехова. – Она многозначительно посмотрела на него, мол, ты совсем с ума сошел, контролируй себя, пожалуйста.

Иван машинально передал ей карточку и снова посмотрел на женщину, которая подошла вплотную к его столу и усаживалась на стул, разглаживая на узкой юбке невидимые морщинки.

Этого не может быть! Она не может быть коровой! Корова – она же сильная, а эта производит впечатление ранимой и слабой, что сразу хочется защитить ее неизвестно от чего. Корова – глуповатое и равнодушное животное, а женщина явно наделена острым умом и трепетной душой. Одного вида румянца смущения достаточно, чтобы понять это.

– Что случилось, родная? – спросил Иван как можно мягче и вкрадчиво, как говорят с неразумными детьми, плохо реагирующими на команды взрослых. Флюра выпучила глаза от удивления и побледнела от испуга.

– Простите? – переспросила женщина, оглядываясь по сторонам и тряхнув головой, словно смахивая с лица сильно отросшую челку.

Иван любовался смущением пациентки, ее аккуратным и напряженным видом. Очень не вовремя пришло сравнение, что коровы оставляют свои продукты жизнедеятельности где попало. Иван поморщился, а женщина опять покраснела. Однако испуг в ее глазах сменился недоумением, а потом откровенным возмущением.

– Вы слышали про Фонтенбло? Кажется, там хранится образец...

– Иван Тимофеевич! – очень громко окликнула его Флюра. Не сделай она этого так вовремя, не известно, что бы последовало за его репликой, потому что собирался он рассказать про музей, в котором хранится образец коровьей лепешки. – Мы слушаем вас, – нарочито вежливо обратилась она к пациентке. – Что привело вас к нам?

Женщина незаметно перевела дух и отвернулась от неадекватного врача в сторону деловитой Флюры, чтобы поведать, что периодически испытывает боли и тяжесть в животе, в особенности после приема пищи.

– Скорее всего, вам нужно пройти гастроэнтерологическое обследование, – пояснила Флюра. – Они назначат вам ФГДС и точно установят причины дискомфорта. Доктор сейчас прощупает вам живот на предмет видимых отклонений. Да, Иван Тимофеевич?! – На имени последнего она сделала намеренное ударение, чтобы привлечь его внимание к себе, в то время

как он продолжал с любопытством разглядывать пациентку. – Прилягте на кушетку, он сейчас подойдет...

Женщина встала, перевесила сумку на спинку стула и подошла к кушетке, неуверенно оглядываясь.

– Можно не раздеваться? – смущенно переспросила она.

– Просто задерите кофточку. Этого будет достаточно, – улыбулась Флюра и пнула Ивана под столом, едва дотягиваясь своей ногой до его, так как ее стол был смежным с его. – Посмотрите, доктор? – с замаскированной угрозой в голосе обратилась она к нему.

Только тут Иван немного пришел в себя и понял, что выглядит по меньшей мере непрофессионально. Он энергично встал из-за стола и подошел к кушетке, на которой уже лежала пациентка и удерживала тонкими дрожащими пальцами кофту, задранную до груди и открывающую взору стройную талию и гладкий с едва заметным пушком живот.

– Так больно? – поочередно спрашивал Иван, надавливая то в одном, то в другом месте, прощупывая живот. – Можно встать, – удовлетворенно кивнул он, возвращаясь за стол.

Он наблюдал, как женщина встает с кушетки, расправляет кофточку, и не мог не любоваться ее плавными движениями и грацией, так не свойственными грубоватой и угловатой корове, с которой она упорно ассоциировалась.

– Ну что ж, внутренние органы у вас в порядке. По крайней мере, на ощупь. Скорее всего, виной ваше однообразное питание. Сколько... – чуть не сказал сена, – мяса вы съедаете в день?

– Не очень много, я больше люблю овощи.

– Почему-то я так и подумал... – Хотя думал он совершенно о другом. Иван думал, что эта корова не может метить любую территорию без разбора, как свойственно ее сестрам, и что вряд ли с возрастом она превратится в старую, тупую и сварливую, как свойственно им всем, даже самым классным в молодости телкам. Во время осмотра он чуть не забылся и не назвал ее небольшую грудь, обтянутую блузкой, выменем, не имея сил отвлечься и не представлять себе, сколько молока может давать такая хрупкая корова.

Иван проконсультировал пациентку о пользе сбалансированного питания и рекомендовал обратиться к гастроэнтерологу по поводу дальнейшего лечения.

– Хотя лично я думаю, что у вас все в порядке, просто питайтесь, как следует, и тщательно пережевывайте пищу.

– А теперь объясните мне, что на вас нашло? – строго спросила Флюра, когда за пациенткой закрылась дверь. – Вы хоть понимаете, насколько глупо и грубо себя вели?

– Разве? – искренне удивился Иван. Ничего особенного в своем поведении он не заметил, разве что излишнюю внимательность к необычной женщине.

– Вы хоть помните, что говорили ей?

– Ничего особенного...

– Вот именно! Вы говорили так, как будто она невменяемая. Она же едва сдерживалась, чтобы не наругать вам!

– Правда? – изумился Иван. – А я и не заметил.

– Никогда раньше не видела вас таким. Что случилось-то? – решив не добивать начальника, спросила Флюра.

– Ничего особенного, просто, она – корова.

Глава 2

Маша переживала не самый лучший период в жизни. После развода с мужем прошло два года; два года, как она перебралась из города в пригород, где по максимуму загрузила себя работой, но чувство одиночества не покидало. Постоянно вспоминала слова бывшего мужа: «Я хотел сделать тебя счастливой, но ты, как всегда, все испортила. Твое упрямство граничит с тупостью». Он это произнес таким тоном, словно не прошли пять лет совместной жизни, в течение которых было немало приятных моментов, особенно вначале, когда они еще любили друг друга.

Маша не понимала, как супруги расстаются и при этом умудряются дружить? Как может любовь превратиться в дружбу, а страсть во взаимовыручку? Когда-то она очень любила Сергея, мечтала родить ему детей. Первая трещина в их отношениях появилась, когда он запретил ей даже речь заводить о детях, объясняя запрет тем, что они еще очень молодые, что он посвятил себя карьере, чего и ей желает, а о детях можно подумать лет через десять. Тогда Маша смирилась, как ей казалось, согласилась предохраняться и выкинула из головы мысли о детях, на время.

Вторая трещина пролегла между ними, когда и по истечении пяти лет Сергей продолжал уходить от разговоров о детях, вытасканных ею на поверхность из глубин своего сознания. К тому времени он уже занимал приличную должность в компьютерной фирме и неплохо зарабатывал. Два раза в год они отдыхали за границей, одевались в модных бутиках. Он построил дом за городом. В общем, в материальном плане жизнь их баловала. Кроме того, Маша работала в той же фирме и тоже вносила ощутимый вклад в семейный бюджет.

Окончательный разрыв случился, когда Маша поняла, что больше не может так жить, что кроме денег Сергей не любит ничего и никого. Она честно попыталась с ним поговорить, объяснить, что ее жизнь зашла в тупик, раз она, мечтающая о детях, не может их завести, и вынуждена долгие годы заниматься нелюбимым делом. Вот тогда он и назвал ее тупой. Это поставило жирную точку в их отношениях, а слова врезались в память, чтобы терзать ее вопросом так ли оно на самом деле? Если раньше Маша шла по жизни, ведомая Сергеем, то сейчас она это делала неуверенно, постоянно оглядываясь и продумывая каждый свой шаг.

Она завернула в уютный дворик, знакомый с детства, где жила когда-то с родителями, пока не вышла замуж. Родители к тому времени развелись. Отец уехал жить и работать за границу. Мать едва дождалась, когда Маша выйдет замуж, чтобы продать квартиру и переехать к морю, в климат, который подходил ее больным легким. Так и получилось, что кроме Сергея и Тома, что жила в соседнем подъезде, и вместе с которой они бегали в школу, у Маши не осталось никого родных в этом городе. А потом и вовсе осталась одна Тамара, к которой она сейчас и направлялась.

– Привет, золотко! – Такими словами встретила ее подруга – кучерявая и рыжеволосая бестия, вся в веснушках и с бессменной улыбкой на губах. – Какая же ты молодец, что постригалась! И здорово, что так коротко. Совсем другой человек, тебя не узнать!

– Да? А я все никак не могу привыкнуть. – Маша зашла в квартиру и закрыла дверь, а потом подставила губы для поцелуя. – Все хочется убрать непослушную челку.

– Нет, так намного круче! Ты теперь похожа на артистку.

– Ну и слава Богу, – улыбнулась Маша.

Она не видела подругу уже месяца три и до ужаса соскучилась.

– Пошли, давай, чего топчешься? – Тома потащила ее в комнату, не дав разуться. – Наконец-то нашла время и приехала. Как там твоя тьмутаракань и поголовье? – спросила она чуть позже, когда они устроились на диване в гостиной. – Стоит и множится?

– Том, это не тьмутаракань, а поселок городского типа, и, да, поголовье множится.

– Все равно не понимаю, что ты там забыла? – Со скоростью пули Тома металась между сервантом и журнальным столиком, накрывая его к чаю. – Как будто здесь не могла найти работу по специальности...

– Тут таких, как я, много. Там я нужнее, – ответила Маша, прихлебывая чай, потому что Тома уже успела стонять за чайником и разлить чай по чашкам. Только потом она позволила себе присесть рядом с подругой. – Ты такая быстрая, что у меня аж голова закружилась, – рассмеялась Маша.

– Просто, ты отвыкла от меня. Когда мы виделись в последний раз? – деловито спросила Тома и тут же сама ответила на свой же вопрос: – Вот и я уже не помню, потому что было это давно. Помнится, тогда еще снег лежал. – Она так стремительно прижалась к подруге, что та чуть не расплескала горячий чай. – Как же я соскучилась!

– Я тоже, Томик, правда, – улыбнулась Маша, ставя чашку на стол и обнимая подругу.

– Тоже, – передразнила та, – а приехать слабо. Я так понимаю, что ты и сегодня не ко мне в гости выбралась. Признавайся, что делаешь в городе? – потребовала она.

Маше было стыдно признаваться, что в списке ее дел встреча с подругой стояла на последнем месте. Она и добралась до нее вечером, когда та уже вернулась с работы, и когда сама она переделала все необходимое.

– ... Нужно было закупить кое-какие препараты и сходить к врачу, – закончила она исповедь, боясь встречаться с обвиняющими голубыми глазами подруги.

– К врачу? – встрепенулась Тома. – К какому еще врачу? И с чем?

– Да, с желудком у меня в последнее время проблемы или еще с чем, не знаю. Болит часто...

– Я что-то не поняла! Ты не могла мне позвонить? Я бы тебе организовала самого лучшего доктора!

Тома работала в поликлинике, куда устроилась сразу же после окончания мединститута. Ее карьера развивалась стремительно, и сейчас она уже была заведующей педиатрическим отделением. Она обиженно поджала губы и пробубнила:

– По врачам она ходит, когда лучшая подруга – сама врач.

– Ну прости меня, Томик. Я не догадалась и очень об этом пожалела.

– И что так? – Любопытство в Томе победило обиду, она с интересом уставилась на Машу.

– Да попался какой-то ненормальный! Вместо того чтобы лечить, пялился на меня весь прием и молот всякую чушь. Вот, – она достала из сумки бумажку и протянула Томе, – посоветовал обратиться к эндокринологу. Даже написал к какому...

– Хороший врач, – удовлетворенно кивнула Тома, возвращая бумажку Маше. – А ты пострадала заслуженно, впредь будешь советоваться с умными людьми сначала, а потом уже ходить по врачам. – Она внимательно посмотрела на подругу. – Я хоть и не специалист в этой области, но думаю, вернее уверена, что все проблемы со здоровьем у тебя от нервов.

– Вот и коновал сказал тоже самое, и посоветовал лучше пережевывать пищу.

После этих слов с Томой едва не случилась истерика. Она хохотала так, что Маше послышалось, как дзынькает посуда в серванте. В какой-то момент она даже начала волноваться за подругу, когда та схватилась за живот и повалилась на диван, не переставая смеяться.

– Ой, все, не могу... Сейчас умру... Как зовут этого светила? – Маша с трудом разобрала, что говорит подруга, смех буквально душил ее.

– Я от возмущения не запомнила, но таких идиотов раньше не встречала.

– А работает он где? Хирург, говоришь? – Тома начинала успокаиваться, все еще держась за живот и вытирая слезы. – Не, не знаю там никого, – мотнула она головой, когда Маша назвала клинику. – Но теперь буду знать... – и снова засмеялась, правда как-то слабо, видно, сил на это уже не осталось.

– Слушай, а где твои мальчишки? – Маша только сообразила, что не видит мужа Тома и трехлетнего сынишку.

– Так я же их на море отправила. А сама присоединюсь на следующей неделе, когда пойду в отпуск.

Маша в который раз подумала, какая же счастливая у нее подруга. С мужем они познакомились еще в институте, вскоре поженились. Правда какое-то время Тома не могла забеременеть, а потом родился Коля. Это не было завистью, а доказательством того, что счастье есть, просто, она, Маша, его каким-то образом проморгала.

– Раз ты идешь в отпуск, может, и ко мне приедете? На парное молоко?

– Обязательно! На пару деньков заскочим с Колькой, искупаться в вашем болоте.

– Это не болото, – обиделась Маша. – А натуральный водоем, там даже камыши растут.

– Вот я и говорю, самое настоящее болото. Ладно, не обижайся, – обняла ее Тома. – Озеро, озеро, одно из самых красивых в мире.

Как ни хорошо было у Тома, но следовало отправляться домой. Уже вечерело, а проехать предстояло около двухсот километров. Кроме того, завтра ответственный день, к нему тоже стоило подготовиться. Маша распрощалась с Томой, взяла с нее обещание приехать, пока будет в отпуске, и спустилась во двор, где ждала ее машина – голубой Опель астра, который она любила, как члена семьи.

До дома Маша добралась, когда совсем стемнело. Загнала машину в гараж двухэтажного коттеджа, который снимала уже два года, и через внутреннюю дверь вошла в дом, чтобы поприветствовать тишину.

В поселок она уехала, не дожидаясь развода. Ей повезло – сразу же удалось снять этот уютный коттедж, оборудованный всем необходимым для комфортной жизни. Устраивала еще и цена – вполне приемлемая. Хотя, нужно отдать должное Сергею, при всей своей любви к деньгам, он нашел силы поступить по справедливости и разделил накопленное состояние поровну. Так что, в средствах Маша не нуждалась, да и состоянием больно не пользовалась, брала оттуда только на аренду коттеджа. Работу она нашла еще до того, как переехала в поселок, по Интернету, так что на собственные нужды зарабатывала вполне прилично, да и не так уж много было этих нужд.

Тишину разорвала пронзительная трель телефонного звонка. Маша поморщилась, в который раз подумав, что надо бы сменить звонок на более мелодичный, менее тревожный.

– Ты куда пропала, Стрельцова? – услышала она бархатисто-низких голос своего начальника, сдобренный гневными нотками. – Почему твой сотовый не отвечает? Я звонил раз сто.

– Я же говорила, Глеб, что поеду в город. А мобильник разрядился в самый неподходящий момент. Только приехала...

Маша не оправдывалась, а рассказывала. Начальника своего она считала одним из лучших людей, способных сопереживать ближнему и помогать нуждающимся в его помощи. У них сразу завязались дружеские отношения, несмотря на разницу в возрасте в двадцать лет. С ним она могла говорить на любую тему, и так, как он, никто не умел слушать, а потом еще и дать уместный и полезный совет.

– Вакцину привезла?

– Ну, конечно. Завтра можно начинать.

– Вот и ладненько! Раскол уже подготовили. Сама поедешь или санитаря отправишь?

– Сама. – Маша улыбнулась. – Не могу такое дело поручать никому.

– Отлично! С утра придешь, перетрем детали, а потом отправишься. А сейчас на боковую.

– И тебе спокойной ночи.

Маша улыбнулась, представив Глеба, деловито вышагивающего с телефонной трубкой в руках, как он обычно делал. В душе шевельнулось что-то теплое по отношению к этому

одинокому и одновременно сверх общительному человеку. И почему судьба порой настолько несправедлива? Одних награждает модельной внешностью и ледяной душой, а других уродует внешне, но делает их душу поистине безразмерной. Глеб относился ко второй категории.

Маша вспомнила, как впервые увидела его, вернее услышала. Она заполняла анкету в отделе кадров, когда раздался редкий по красоте мужской голос – низкий, бархатистый с перебивками. Не будучи от природы любопытной, она не выдержала и обернулась. Каково же было удивление, когда она поняла, что голос принадлежит карлику – переростку. Вернее, карликовой была только нижняя часть мужчины, состоящая из коротких и кривых ног. Сверху он выглядел вполне обычно, даже мускулистее многих своих собратьев. Маша прикинула, сколько лет ему может быть? Лицо еще довольно молодое и симпатичное – серые глаза светились добротой, полный рот приветливо улыбался, а на щеках играли зазорные ямочки. Только кудрявые волосы почти все седые, а когда-то, наверное, были темно-русые. Она предположила, что мужчине лет пятьдесят и не ошиблась.

С Глебом они сразу подружились. Когда он узнал, что Маша приехала к ним работать, то так обрадовался, что ей аж неудобно стало. Он разве что не бросился целовать ее, но приобнял, не удержался. Маше Глеба представили, как непосредственного начальника, и она сразу поняла, что они сработаются. Так и получилось. По сути, Глеб заменил Маше отца, стал по-настоящему близким человеком. Еще и поэтому ей было обидно до глубины души, что не нашлось женщины, способной оценить всю красоту его души, а, может, он сам не захотел впускать кого-то в свою жизнь. Точно она не знала, но порой видела его одиночество. И этот факт тоже сближал их.

Маша так вымоталась за день, проведенный в городе, что сил хватило только на быстрый душ. Уже через полчаса она засыпала в постели под приглушенно работающий телевизор. Засыпать в тишине не могла, в такие моменты одиночество сильнее обычного давило на нее.

Утро наступило слишком стремительно. Будильник Маша, как обычно, не услышала или выключила его машинально. Пришлось ограничиться чашкой обжигающего кофе и отсутствием макияжа.

До работы было рукой подать, и без пяти минут восемь Маша подходила к небольшому кирпичному зданию с большой вывеской на двери, на которой крупными буквами было написано «Ветеринарная клиника от молочного комбината Росинка». Вот тут Маша и трудилась уже два года штатным ветврачом.

Прием еще не начался, а перед дверью кабинета для домашних питомцев уже толпился народ. Кто с кем пришел – кто с кошкой, кто с хомячком... Многих Маша знала и здоровалась, проходя мимо. У двери с табличкой «Стрельцова Мария Юрьевна – старший веткуратор молочного комбината» она остановилась, а потом зашла в свой кабинет. Санитар Петр Иванович – сухонький дядечка пенсионного возраста в очках с толстыми стеклами, был уже на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.